

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Ирина Дегтярёва

Степной ветер

Ирина Владимировна Дегтярева
Степной ветер
Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25097021

Дегтярёва И. В. Степной ветер : повесть: Детская литература;

Москва; 2016

ISBN 978-5-08-005431-0

Аннотация

Все одиннадцать лет своей жизни Мишка Потапов прожил на хуторе, рядом с конезаводом своего отца, но лошадей, как ни странно, боялся и обходил их стороной. Зато хулиганить и находить приключения на свою голову умел виртуозно – можно сказать, в этом и был его главный талант. Но однажды отец привез молодого коня – белоснежного и озорного, как сам Мишка. И что-то изменилось в Потапыче: он начал медленно и трудно взрослеть...

Для среднего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	6
Степной ветер	9
Эликсир	9
Газыри	49
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ирина Дегтярёва

Степной ветер

© Дегтярёва И.В., 2016

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Салтыков М. М., иллюстрации, 2016

© Макет, составление. ОАО «Издательство «Детская литература», 2016

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

В 2015 году объявлен прием рукописей на пятый Конкурс.

Отправить свою рукопись туда может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-лист конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для

детей и юношества» именно за эту серию.

Степной ветер

повесть

*Памяти моего учителя,
Сергея Анатольевича Иванова,
посвящается*

Эликсир

Мишка Потапов сидел в засаде давно. Уже прошли бабки с бидончиками и бутылками: они покупали разливное молоко с машины, приезжавшей в поселок по утрам. Сверкнули спицы велосипедов Димки и Егора: мальчишки подрабаты-

вали летом – развозили почту. Проскакал верхом на черном коне отец по своим делам.

Немилосердное степное солнце сжигало Мишке загривок, семена трав проникли за шиворот, налипли на влажную шею и спину – кожа зудела, но Мишка терпел.

Он жаждал славы! Это чувство овладело им целиком две недели назад, когда пришло письмо от двоюродного брата Сашки. В конверт была вложена цирковая программка, а на ней в красивых позах запечатлен Сашка со своим отцом в гимнастических фиолетовых с блестками трико. Брат выглядел очень самодовольным и важным.

– Программку Миша прикнутил над письменным столом. Сашку он любил и всегда с нетерпением ждал приезда брата. Им обоим исполнилось по одиннадцать лет, но Сашка с гастролями объездил почти всю Россию и за границей побывал, получал зарплату и позировал для афиш и программ. А Мишка с горем пополам перешел в пятый класс поселковой школы, оставшись по английскому на осень. Летом ему приходилось штудировать все эти «My name is Misha» и «How old are you?».

И даже моря не видел, хотя живут они в Ростовской области и до Азова рукой подать. В этом году давно обещанная отцом поездка на море не предвиделась из-за двойки по английскому.

А теперь еще, увидев на стене Мишкиной комнаты программку с улыбающимся Сашкой, и отец, и тетка, и ее муж

дядя Гриша многозначительно переводили взгляд с программки на Мишку и произносили со вздохом: «Да уж...»

Ленка, двоюродная сестра, тоже было попробовала прийти вздохнуть, но только она начала произносить «Да...», это «Да» превратилось в «Да-а-а-а», переросло в рев и развернутую кляззу сперва тетке, а затем и Мишкиному отцу.

Сначала тетка визжала и замахивалась кухонным полотенцем. Потом отец... Но он кричать не любил – молча наградил Мишку подзатыльником, молча открыл учебник английского и ткнул в него сына, хотя того ждали мальчишки в остывающей от дневного жара степи. Там в закатном оранжевом свете отбрасывали длинные тени самодельные ворота без сетки, сваренные из ржавых труб поселковым слесарем. А вместо болельщиков с трещотками надрывались цикады, и воздух вокруг гудел от стрекота.

Футбол в степи считался экстремальным видом спорта из-за кочек и зайцев, которые норовили выскочить из вырытых ими за ночь нор прямо под ноги нападающему. Или защитник мог оступиться на кочке в самый неподходящий момент...

Слава звала, слава требовала от Мишки поступков. Она тренькала из-за поворота велосипедным звонком, взывала лошадиным ржанием и тревожила мелодией внезапно зазвонившего отцовского мобильного телефона – так, что Мишка вздрагивал и ошалело оглядывался. Слава витала в раскаленном воздухе и взидала на Мишку глазами брата с цветной

цирковой программки.

Но какие героические поступки можно совершить в Ловчем? Глухой степной поселок, вернее, хутор, разросшийся до размеров поселка. Храм, магазин, школа, аптечный пункт с фельдшерницей бабой Надей (она ото всех болезней советовала пить настой ромашки); отцовский конезавод, где он разводил породистых скакунов, на которых сам участвовал в скачках и очень часто побеждал. И за границу ездил на соревнования. Серебряный кубок с гравировкой на французском языке стоял на этажерке в комнате отца рядом с миниатюрной Эйфелевой башней, привезенной из Парижа.

На одних слава падает, как манна небесная, другие ее завоевывают. К этим другим Мишка причислил и себя и поэтому с утра пораньше расположился на пустыре около школы в высоких зарослях полыни. Она дурманила резким запахом и сыпала семена за шиворот.

Учитель труда в их школе вызывал у Мишки не только живой интерес, но и подозрения. Отец каждый раз, когда видел учителя на улице, посмеивался и говорил, что трудовик Иван Иванович вечен, как Кощей. Иван Иванович работал в школе, сколько отец себя помнил. В годы отцова детства он так же ходил в синем берете и темно-синем халате и уже тогда выглядел древним, подсушенным, словно ивовый лист из школьного гербария.

Мишка не относил себя к малышне, которая верит в Кощея Бессмертного, но не исключал возможности, что трудо-

вик омолаживается с помощью современных технологий, о которых твердят по телевизору все, кому не лень, и о которых написано бог знает что в Интернете.

Может, старый учитель изобрел аппарат или препарат для омолаживания и сидит много лет в отдаленном степном поселке, прячется, чтобы не делиться своим секретом с человечеством.

У Мишки захватывало дух от одной мысли, что таблетка бессмертия существует. Он стал следить за Иваном Ивановичем с упорством и азартом, чтобы вывести на чистую воду этого типа, заставлявшего сколачивать табуретки уже не одно поколение мальчишек с хутора Ловчий.

Сперва Мишка опросил всех, кто вообще согласился с ним разговаривать. Но никто из местных не знал, сколько лет трудовику. Он жил на окраине поселка в одиночестве (что вызывало еще бóльшие подозрения), в деревянном, окрашенном голубой краской доме с резными... Да на доме все было резное, он выглядел ажурным, словно бы и сами дощатые стены покрывала резьба. С деревом Иван Иванович обращаться умел. А вот уроки его были скучные, тянулись, как бесконечная стружка из-под рубанка. И двойки он ставил с унылым выражением лица, повторяя при этом одно и то же: «Учитесь пользоваться инструментом. В жизни пригодится».

У Мишки имелась дополнительная причина недолюбливать Ивана Ивановича. Труд ему не давался. Молоток часто

вываливался из рук и с неизменной точностью попадал то на ноги одноклассникам или Ивану Ивановичу, то самому Мишке. Такие осложнения возникали у него с любым шанцевым инструментом, потому тетка редко допускала его до садово-огородных работ.

Мишка Потапов казался угловатым и действительно ловкостью не отличался. Хоть и был сам тощий и невысокий, руки и ноги у него выглядели длинными, шея, загорелая и чаще всего чумазая от степной пыли, торчала, как стебелек, едва удерживающий лохматую голову с клочками выгоревших волос. Он был похож на одуванчик и одновременно на линияющую дворнягу с аккуратным, закругленным книзу носом и наивными васильковыми глазами, сияющими из-под выбеленных солнцем бровей. Мишка воспринимался окружающими как правдивый парень – он и в самом деле врал всегда правдиво.

Слежка оказалась скучным занятием. Трудовик окопался в школе, пустующей летом, и наблюдать пришлось за осой, которая на кусте серебристой полыни совершала утренний туалет. Передними лапками провела по усикам, по своей круглой осиной физиономии, по загривку, затем принялась задними лапками тереть передние, и наоборот.

Мишка покачал головой и вспомнил, что утром он не умывался и не завтракал. В животе заурчало. Подумал, не сбежать ли в сад тетки Марьяны и не стащить ли несколько огурцов с грядки, но в этот момент со двора школы вырули-

ла старенькая «Волга» с прицепом, груженным металлическими ножками от парт и школьных стульев. За рулем в своем неизменном берете сидел Иван Иванович. Когда машина подскакивала на кочках поселковой дороги, ножки в прицепе позвякивали. Ехал трудовик медленно, оставляя позади себя густое облако белой пыли.

Направляться он мог только к своему дому, и Мишка пропустился туда же, но огородами, узкими тропинками, по шею исчезая в уже высокой кукурузе и подсолнухах – они шершавыми стеблями и большими листьями скребли по локтям и ногам.

Почесываясь, отирая пот, подергивая ногами, чтобы вытряхнуть сено из побелевших от пыли, истертых сандалий, мальчишка остановился у сучковатого забора. Прижался носом к его шероховатой поверхности, пахнущей смолой. В одной из досок зияла дырка с ровными краями, оставленная усохшим и выпавшим сучком.

Мишка увидел сад со старыми яблонями. Под ними стояла ветхая школьная парта, а чуть поодаль кровать с железными никелированными спинками и панцирной сеткой без матраса. Мишка являлся обладателем такой же старой кровати и с упорством отстаивал ее каждый раз, когда отец порывался купить ему новую. Перед сном на ней так хорошо было подпрыгивать, издавая невероятный скрип до тех пор, пока отец не начинал стучать кулаком в стену из соседней комнаты, призывая сына к порядку.

«Может, он и не домой поехал?» – приуныл Мишка. И тут же заметил край знакомого синего халата. Трудовик отчего-то стоял неподвижно, словно затаился. Мишка с раздражением прервал наблюдение и поискал глазами другую дырку в заборе, чтобы получше разглядеть, чем там занят Иван Иванович, но не нашел.

А трудовик все так же неподвижно стоял около забора. «Да что он там, окаменел, что ли?» Мишка подпрыгнул и повис на заборе, шаря ногами по доскам в безуспешных попытках найти опору, чтобы подтянуться. Он сопел, кряхтел и вдруг почувствовал, что по ногам что-то мягко хлестнуло. Мишка чуть скосил глаза и увидел Ивана Ивановича с пучком крапивы в руке и любопытством на лице. Трудовик успел стегнуть еще несколько раз, пока мальчишка не отцепился от забора, выпучив глаза от нестерпимого жжения, и не отбежал на несколько метров.

– За огурчиками? – ласково поинтересовался Иван Иванович, отбросив крапиву под забор и вытирая ладонь носовым платком. – А я слышу, кто-то сопит. Дай, думаю, погляжу. А это Потапов собственной персоной! Мало того, что на уроках вредительством занимаешься, так еще по чужим огородам лазишь. Я вот отцу твоему скажу!

Мишка хотел нахамить, но сдержался, потирая ноги под коленками. Чего доброго, и правда нажалуется.

Едва трудовик скрылся за углом, Мишка снова прильнул к дырке в заборе: к его изумлению, Иван Иванович уже стоял

в саду. Все так же виднелся край его синего халата.

«Когда он успел? Бежал, что ли?» Мишка почесал ужаленные крапивой места и решился на временное отступление. Трудовик сейчас настороже, за ним будет сложно наблюдать. И все же Мишка, уходя, обошел сад Ивана Ивановича и посмотрел на забор с фасада.

Трудовик открыл ворота и перетаскивал во двор ножи от парт и столов. Издали увидев Потапова, он погрозил ему пальцем. А когда отвернулся, Мишка спрятался за угол и выглядывал уже оттуда. Трудовик достал из кармана небольшую фляжку и что-то из нее отпил.

Мимо него Мишка не пошел – вернулся огородами к школе, а оттуда побрел домой, изнывая от жары, жжения под коленками и желая узнать, что у Ивана Ивановича налито во фляжку. Что, если в ней заключен весь секрет? Омолаживающий напиток?

«Надо ее достать», – решил Мишка и, толкнув калитку, зашел в свой сад. Перед домом белого кирпича росли груши и сливы, плоды на них уже начали созревать. Они пахли на весь сад сладко, с чуть ощутимой горечью, и этот запах проникал в дом сквозь закрытые днем ставни. Окна держали открытыми, а ставни затворяли, притеняясь от солнца.

Среди груш и слив стояла маленькая летняя кухня из красного кирпича с белыми ставнями, с верандой, увитой виноградом, выходявшей на теневую сторону. На веранде находился длинный стол, за которым вся семья собиралась

вместе на обед: отец с Мишкой, тетя Вера с дядей Гришей и их дети – двенадцатилетние двойняшки Ленка и Юрка.

Из летней кухни высунулась тетка, хлопнув ставней. На тете Vere столько веснушек – на лице, на руках, на плечах, – что она теряется за ними. А крашенные в черный цвет короткие, завитые в мелкие кудряшки волосы только подчеркивают, какая она рыжая.

– Михаил, ну где ты таскаешься все утро? Бездельник! Английским когда думаешь заниматься? Вот отец придет...

Он пробежал к крыльцу, не слушая теткины угрозы, летевшие в спину.

У них с отцом был отдельный вход, с маленькой терраской. Две их смежные комнаты имели выход и в основную часть дома. Около ступенек рос огромный куст жасмина. Когда он цвел, то засыпал деревянные истертые ступени белыми лепестками, а Мишка и отец ходили с головной болью от его вязкого аромата. Отец каждый раз грозился жасмин вырубить.

Мишка любил этот куст: в нем хорошо было прятать что-нибудь не предназначенное для отцовых глаз или прятаться самому ото всех. Его ни разу здесь не нашли, хотя ходили мимо. Он мог за всеми следить, а его никто не видел.

Бросив страдальческий взгляд на программку, висевшую на стене, Мишка сел к письменному столу, открыл учебник английского, а сам уставился в пространство, прикидывая, как похитить у трудовика фляжку. Несомненно, с ней связа-

на какая-то тайна. И зачем Ивану Ивановичу столько металлических ножек? Для его подпольной лаборатории? Мишка не сомневался в ее существовании. Иначе зачем он так бдительно охраняет свой участок, не из-за огурцов же? У тетки Марьяны их намного больше, они вкуснее, а самое главное, тетка Марьяна настолько неповоротливая, что все хуторские мальчишки, кто пасется в ее огороде, не убегают от нее, а уходят прогулочным шагом с огурцами в карманах и за пазухой, отсалютовав у калитки сонной добродушной собаке Матрешке. Особенно хорошо шли огурцы во время футбольных баталий, когда хотелось пить, а ближайшим огородом был как раз тетки-Марьянин.

Она ругалась, кричала, грозила, что Господь ниспошлет на охальников громы, молнии и понос от сворованного овоща. Несмотря на это, «охальники» прекрасно себя чувствовали, даже дети хуторского священника, Димка и Егор. А тетка Марьяна никогда родителям любителей огурцов не жаловалась, только из года в год увеличивала посевные площади огурцов.

В комнате было почти темно из-за плотно закрытых ставней. Мишку клонило в сон. В углу, за письменным столом, золотистым окладом светилась иконка Николая Чудотворца. Под ней от сквозняка покачивался календарь из Парижа с изображением Монмартра и большого белого собора Сакре-Кёр. Рядом с программкой на стене висела картинка с выпуклой головой лошади, сделанная на мягком пластике.

Лошадиная морда выступала над поверхностью, и казалось, будто она просунулась в комнату со двора прямо через стену.

Мишка зевнул, вздохнул сонно и переместился на кровать. Сетка звякнула пружинами и колыхалась под мальчишкой несколько секунд, которых ему хватило, чтобы уснуть.

Приснился ему Иван Иванович в своем неизменном халате, который отчего-то слегка светился изнутри голубоватым огнем. Трудовик склеивал из ножек парт ажурную конструкцию с помощью эликсира из фляжки. Он капал на ножи, и металл шипел и искрился. Затем конструкция превратилась в крепкую решетку, которую трудовик установил в подвале своего дома, и за решеткой оказался Мишка. Он пытался кричать, но его никто не слышал. В углу вместо подстилки лежала охапка крапивных стеблей, а в подвале громоздились бочки с готовым эликсиром, и он еле заметно сиял сквозь доски бочек, разливая по подвалу ровный холодный свет.

Свет проник под веки Мишки, и сон пропал. Отец открыл ставни – день клонился к вечеру. Солнце ушло с их половины дома и осело боковыми лучами на стене над столом, высветив улыбающегося Сашку на цирковой программке.

– Проснулся? – из соседней комнаты спросил отец.

– Угу, – все еще до конца не пробудившись, угрюмо откликнулся Мишка. После сна он всегда был почему-то сердитый.

– Тетка сказала, целый день ничего не ел. Английским не занимался. – Отец зашел к нему в комнату и присел к пись-

менному столу, пролистнул учебник.

Он совсем не походил на тетю Веру, свою сестру, – ни ее рыжины, ни дородности. Невысокий, сухощавый, даже тонкий, но с широкими плечами и крепкими мускулистыми руками. С короткими, почти белыми, пшеничными волосами. Загорелое до черноты лицо выглядело дерзким и даже злым, наверное из-за выступающих скул и продольных морщинок около уголков тонких губ. Но такие же, как у Мишки, васьковые глаза блестели озорно, скрадывая первое впечатление о его характере.

– Потапыч, а ты ведь такими темпами на второй год останешься, – весело заметил отец. Он, как и большинство хуторских, называл сына этим прозвищем, которое больше подходило бы коренастому косолапому пареньку, чем длинношему тощему Мишке. Но прозвище прижилось, отчасти из-за того, что нередко он выглядел по-медвежьи хмурым и нелюдимым. – А ты помнишь, что я обещал сделать, если английский не сдашь?

Мишка, сидя на кровати и пытаясь избавиться от наваждения, оставленного сном, покосился сначала на отца, затем на дверь, ведущую на террасу. За дверью на старом ржавом крюке висел отцовский ремень. Отец изредка использовал его не по прямому назначению, и тогда Потапычу приходилось несладко.

Правда, в это обещание отца он не верил. Перепадало Мишке только сгоряча. А какое тут может быть «сгоряча»,

если с момента обещания до его исполнения пройдет три месяца! Поэтому Потапыч промолчал и пожал плечами.

Вместе с отцом в комнату проник знакомый с раннего детства запах лошадей, исходивший от отцовской одежды. Часть конюшен находилась рядом с домом, на приусадебной территории, а сам конезавод располагался на окраине хутора. Там работало большинство хуторян. Отца уважали за то, что он сделал Ловчий известным и обеспечил многих работой.

Петр Михайлович Потапов, Мишкин отец, был старшим в семье. Тетя Вера средняя, а дядя Паша – младший.

Начинал Петр Михайлович жокеем на ростовском ипподроме, участвовал в соревнованиях по джигитовке – демонстрировал публике трюки на лошади. Увидев такое мастерство, директор ростовского цирка пригласил его к себе на работу. Еще до рождения Мишки отец выступал там со своим номером, в который взял и младшего брата Павла.

Отец проработал в цирке лет пять и все-таки вернулся в спорт, а потом к этой его страсти присоединилась другая – разведение лошадей.

Петр Потапов выигрывал многие международные и российские соревнования, областные и ростовские чиновники гордились лихим жокеем. Ему подарили квартиру в Ростове-на-Дону и помогли построить современный конезавод, купить лошадей. Отец переживал, что первых выведенных жеребят пришлось подарить городским и областным руково-

дителям и спонсорам. Зато теперь лошадей продавали задорого по всей России и за границу. Особенно арабские страны интересовались потаповской породой – высокими, поджарыми, с узкими красивыми мордами лошадьми, выносливыми и скоростными, как темно-синий джип «тойота», который Петр Михайлович выиграл на скачках, но которым на хуторе редко пользовался, предпочитая Горца – черного коня, большеглазого, с красноватыми белками.

Мишка панически боялся этого коня, и если отец, приехав верхом с конезавода, просил отвести его в стойло, Мишка находил любой предлог, чтобы отказаться...

Отец ушел к себе в комнату и крикнул оттуда:

– Иди поешь и садись заниматься!

– Пап, а какая-нибудь таблетка или напиток для бессмертия может существовать? – Потапыч потягивался и слегка подпрыгивал на кровати, поскрипывая сеткой.

Отец выглянул из своей комнаты с настороженным выражением лица:

– Тебе зачем?

– Просто интересно...

– Ну, все может быть. – Отец пожал плечами. – Сейчас новые технологии. Я слышал, что руки и ноги теперь заменяют металлическими, и они работают, как настоящие.

– А если кто-нибудь найдет лекарство для бессмертия, он прославится?

– Конечно, – машинально ответил отец и тут же нахму-

рился. – Господи, какие глупости у тебя в голове! Лучше бы от дури лекарство придумал. Впрочем, кое-что ценное еще наши предки изобрели.

Мишка проследил за отцовским взглядом, устремленным как бы сквозь стену террасы, к тому самому ржавому крюку, на котором...

– Я пойду есть. – Мишка покраснел и стремительно выбежал из комнаты.

Вернувшись, со вздохом уселся за письменный стол и начал вздыхать каждые тридцать секунд. Отец через пятнадцать минут не выдержал и непедагогично предложил:

– Пошли на речку?

– Тащиться по степи? – как можно равнодушнее откликнулся Мишка.

– На Горце можно.

– Лучше на джипе. Горец устал. Ты его загонял. – Потапыч уже захлопнул учебник и вытягивал из комода плавки.

– Не хитри! Нечего бензин переводить. Поедешь на Маргоше.

Это была старая темно-гнедая кобыла, на которой отец когда-то участвовал в соревнованиях. Мишка признавал только ее. Она то хромала, чихала, хрюкала, закатывала глаза, то, вдруг преобразившись, пыталась перейти на рысь или галоп. В итоге, закашлявшись по-старушечьи, снова переходила на размеренный шаг и засыпала на ходу.

– Только ты ее взнуздай, – быстро попросил Мишка.

– Еще чего, охлюпкой поедешь!

Потапыч не любил ездить без седла, «охлюпкой», но с отцом спорить не стал, а то, чего доброго, передумает, и придется снова сесть за английский.

По степи гулял ровный горячий ветер. Пахло сухой травой, горько и сильно. Солнце словно свалилось набок, но еще не порозовело. Зайцы выскакивали из-под копыт Маргоши, и она хрипло, удивленно всхрапывала.

Мишка любил лечь на лошадиную теплую широкую спину, обхватив ее руками и босыми ногами. Главное было – не упустить момент, когда Маргоша спросонья вспомнит молодость и пустится рысью. Тогда приходилось вцепляться покрепче и пережить этот ее кратковременный порыв.

Отец гарцевал на Горце то справа, то слева, то улетал вперед и сердито возвращался назад, поддавая Маргоше по толстому заду стеклом – тонкой, гибкой палочкой с небольшой ременной петлей на конце. Почувствовав его крепкую руку, кобыла сразу припускалась рысью, но, поскольку Мишка ее не понукал, она косила на него большим унылым глазом и снова переходила на черепаший шаг.

– Чтоб я еще связался с ней! – горячился отец. – Мы к ночи такими темпами не управимся!

– «Тише едешь – дальше будешь», – привычно повторял Потапыч и удостоивался раздраженного взгляда родителя.

Вдруг отец рассмеялся. Мишка вопросительно глянул на него, оторвавшись от горячей спины Маргоши.

– Вспомнил арабскую поговорку. Недавно вычитал. «Никогда не покупай рыжей лошади, продай вороную, заботься о белой, а сам ездь на гнедой». Это прямо про тебя. Ты предпочитаешь Маргошу.

– Я ее предпочитаю, потому что никуда не тороплюсь, – важно откликнулся Мишка и судорожно схватился за гриву лошади, потому что она опять понеслась галопом.

Отец рассмеялся и послал Горца следом, слегка шлепнув его стеком.

У берега в воде плескалась малышня из поселка и несколько взрослых, в основном женщины. Послышались возгласы: «Здравствуйте, Петр Михайлович!», «Привет, Потапыч!», «Здравствуйте, дядь Петь!».

– Всем добрый вечер! – поздоровался отец и направил Горца в воду, не спешиваясь. – Хороша водичка!

Мишка краем глаза заметил заинтересованные взгляды женщин. Отец сидел на коне как влитой. С хорошей осанкой, загорелый, мускулистый. Еще бы не заглядеться! Потапыч тоже невольно приосанился. И тут, почуяв воду, Маргоша взбрыкнула и устремилась на глубину, стряхнув с себя всадника. Мишка покраснел и схватил кобылу за хвост. Она попыталась его лягнуть, но тут отец, вовремя заметив их безмолвную потасовку, пришел на помощь... Маргоше. Наклонился и больно дернул Мишку за волосы.

– Тебе так будет приятно? – спросил он, беря Маргошу за повод.

Красный от кончиков волос до лопаток, Мишка вылез из воды и сел на берегу. Настроение было хуже некуда, но он не заревел – сдержался. Он вообще плакал редко, только если дело доходило до серьезной выволочки, и то не от боли или обиды, а чтобы разжалобить.

Надувшись, он сидел на песке около кустов. Муравьи кусали его за ноги, но он не двигался с места. И так просидел, наверное, целый час, пока отец с лошадьми плескался в теплой воде, где только у дна, в мягком иле, ноги обдавала прохладная струя течения.

«Ничего, – думал Мишка, перебирая пальцами ног и рук колючий песок. – Раздобуду эликсир, тогда посмотрим, кто над кем будет смеяться... Как же к нему подобраться, если трудовик носит его всегда с собой? Но снимает же он когда-нибудь свой халат?»

Потапыч представил, как Иван Иванович ложится спать в халате и берете, и, уткнувшись в колени, прыснул. Пока он смеялся, в голову пришла замечательная, как ему показалось, идея, которую он решил завтра же воплотить в жизнь.

На Мишку капнуло сверху. Покосившись, он увидел отцовские ноги.

– Потапыч, ты купаться пришел или муравьев кормить?

– Я лучше тут посижу.

– Ага, – согласился отец, тут же сгреб сына в охапку и потащил в воду с криком: – Попался, который кусался!

Он швырнул его на глубину, так что брызги полетели.

Мишка очутился под водой, она затекла в нос и рот, но он улыбался, довольный броском и тем, какой сильный у него отец.

Когда тронулись домой, Петр Михайлович взял Маргошу за повод и ехал впереди неторопливо, задумчиво склонив голову набок, словно подремывал. А Мишка и в самом деле задремал на влажной спине Маргоши. После купания она шла бодрее и почти не чихала. Они высохли, пока доехали. Над степью разливалось розовое свечение.

– Позанимался английским! – усмехнулся отец, снимая сына с лошади.

Потапыч сонно обхватил его за шею и бормотал что-то про халат. Соприкоснувшись с подушкой, он тут же умолк. Из степи в открытые окна задувал остывающий ветер вместе с трескотней и шорохами оживающих после губительной жары животных и насекомых. Ближе к утру через форточку в комнату проник кот Боцман – с толстой мордой, бежевый, в белую полоску. Он вернулся с ночной охоты и улегся Мишке на спину. Уснул, подергивая во сне большими мохнатыми лапами.

Утром Мишка приподнял голову над подушкой, угрюмый, как обычно со сна, и спихнул с кровати Боцмана, получив в ответ шипение и долгий запоминающийся взгляд желтых глаз. На столе лежала записка от отца, ускокавшего с утра пораньше на конезавод: «Потапыч, продирай глазенки и чеши в сад на сбор смородины. Тетка велела. А ее слово

– закон. Да и трудотерапия тебе не повредит, чтобы меньше по улицам гонял. Английский учи. Ду ю спик инглиш?»

– Йес, ай ду, – машинально ответил Мишка. – Дрянная смородина!.. Ленку небось и Юрку не припахали.

Мишка хотел было сразу дать дёру. Но второй день без завтрака – уже чересчур. К тому же если он соберет килограмма полтора (это займет от силы час – он знал из горького опыта), градус теткиного кипения значительно снизится.

Он еще до завтрака побросал смородину с ветками, листьями, пауками и лесными клопами в оранжевое пластиковое ведро, которое взял на террасе, и помчался завтракать.

– Вот тебе, тетя Вера. – Он плюхнул ведро на стол, окинув голодным взглядом салатницу, полную оладьев, и плошку с густой желто-белой сметаной.

– Думаешь, так легко отделался?

Ленка, сидевшая в уголке и поглощавшая оладьи, тихонько хихикнула.

– А у нее что, руки отвалятся смородину собирать? – мотнул головой в сторону сестры Мишка. – Мне заниматься надо, сама же твердишь все время.

– Попридержи язык! – Тетка поставила перед ним чашку с чаем и плошку с клубничным вареньем. – Будешь собирать как миленький. Варенье ведь любишь?

Потапыч стоически отодвинул от себя клубничное варенье и щедрой рукой положил на тарелку сметану.

– Юрка тоже, – сказал он с набитым ртом, – целый день

с книжкой кверху пузом в саду прохлаждается. У него что, неизлечимая болезнь?

– Тьфу на тебя! – вспыхнула тетка. – Типун тебе на язык!

– Не надо на меня плевать, – обиделся Мишка. – Я же правду говорю.

– Ишь! Правдуроб выискался! Двоечник! – встряла Ленка, салфеткой аккуратно промокая рот, окруженный веснушками. Веснушки ее оккупировали с головы до ног.

– Вертихвостка! – не остался в долгу Мишка и вытер рот о рукав футболки.

Неожиданно за него вступился дядя Гриша. Он стоял у перил веранды, допивая чай из большой зеленой фарфоровой чашки. Черноволосый, с большим носом, карими прищуренными глазами и уродливым шрамом над верхней губой, который заходил на щеку. Это лошадь ударила его копытом, выбив несколько передних зубов, вместо которых теперь посверкивали металлические. Он был ниже отца ростом, но такой же поджарый.

– Чего пристала к парню? Правильно он толкует. Наши лоботрясы и в ус не дуют. У них каникулы. А он что, рыжий?

– Не смешно, – скривилась тетка, оскорбившись за рыжих. – Ты бы шел. Тебя Петр заждался.

– Я пойду, – кивнул дядя Гриша, так что длинная челка сползла ему на глаза. Он привычным движением дернул головой, откидывая волосы со лба. – И Потапыч со мной. Хватит ему ишачить.

– Григорий, к чему ты его призываешь? – строго поджала губы тетка и подбоченилась.

– К борьбе за свободу! – усмехнулся дядя Гриша, показав металлические зубы. – Пошли, Михайло! А то тебя задушат эксплуататоры. А Ленке надо не о нарядах думать, – грозно добавил он, – а к хозяйству применяться.

Он схватил Мишку за плечо, вцепившись острыми крепкими пальцами, и увлек во двор.

Мишка любил его почти как отца. Прощал редкие вспышки гнева, когда можно было попасть под его горячую руку. Если дядя Гриша расходился, то по делу. С отцом вместе они много лет работали, дружили, а потом Петр Михайлович сватал за него свою сестру, и они породнились.

Дядя Гриша служил берейтором в цирке. Объезжал лошадей, приучал их к верховой езде, тренировал молодых артистов. Когда отец вернулся в спорт, Григорий ушел за ним и даже готовил ему скакунов для соревнований, хотя спортсмены обычно объезжают лошадей под себя сами.

– Беги-ка ты, братец. Гуляй, пока гуляется, – посоветовал дядя Гриша, а сам пошел на работу.

А работа у него опасная: того и гляди, лошадь лягнет или сбросит. Он объезжал лошадей для частных клубов, куда их покупали уже готовых для развлечения и безопасного катания.

Первым делом Мишка направился к тетке Марьяне с официальным визитом, то есть не через лаз в заборе, а через калитку.

Матрешка вылезла из будки, встряхнулась и приветливо завиляла хвостом, взирая на мир подслеповатыми глазами. Цепь волочилась за ней по пыли, как миролюбивый удав, греющийся на солнышке.

Тетка Марьяна, невысокая и полная, еле пролезла в дверь террасы, одолела две ступеньки с перерывами, во время которых бросала на мальчишку грозные взгляды. Ковыляя по

бетонной дорожке между кустами роз, цеплявшихся за подол ее цветастого халата, тетка Марьяна с кряхтением наклонилась и подобрала с земли прут, видимо заготовленный заранее.

– Что, отвлекающий маневр? – Приблизившись, она неожиданно подмигнула Мишке. – Они там небось шуруют, – махнула тетка рукой в огород, – а ты меня разговорами отвлекать будешь? Хитро! Только я хитрее. – Она схватила Мишку за локоть неожиданно крепкой рукой. – Вот возьму и высеку тебя хворостиной. А?

Потапыч струхнул, но заговорил строгим деловым тоном – так обычно отец разговаривал по телефону с поставщиками кормов для лошадей.

– Здравствуйте, тетка Марьяна! Я к вам по делу. И нечего меня страшать. – Он покосился на хворостину. Этот предмет любила применять тетя Вера, и с его товарными качествами, хлесткостью и гибкостью, он был знаком не понаслышке. – Хочу спросить про вашего соседа Ивана Ивановича. Он где моется?

– А я почему знаю? – Тетка Марьяна опустила хворостину. – Зато куда он воду свою помойную из душа сливает, знаю. Аккурат под мою смородину. Паразит!.. погоди, а ты ведь Петьки Потапова сынок. Похож. Вот ты бы ему пожаловался на паразита. Петька-то теперь важный человек. Завод держит.

– Ничего я на него не похож, – пробормотал Мишка. Он

считал себя некрасивым. – Так где он сливает?

– Я в степу была вечером. – Тетка Марьяна называла степь, как большинство местных. – Травы для засушки собирала. Слышу, журчит. Пошла на звук и увидала, как он мне шланг кинул и сливает. Вон там.

Мишка заметил место, попрощался с теткой Марьяной, дождался, когда она скроется в доме, и, перебежав дорогу, прильнул к щелям в штакетнике. Сбоку забор у трудовика был старый и щелястый.

– Ага, вот он. – Мишка потер ужаленные вчера крапивой ноги.

Он разглядывал летний душ – маленькую кабинку, со всех четырех сторон огороженную голубой непромокаемой шторкой, с плоским черным баком с водой, нагревающейся наверху до кипятка под южным солнцем. Приходилось доливать в бак холодную воду, чтобы не обвариться.

Многие хуторяне предпочитали такие или похожие самодельные души с водой, настоящей на вездесущем солнце. После работы в саду или на огороде неохота было тащить в дом садовую грязь. В дома на хуторе заходили в течение дня не так часто, но во всем чистом, чаще всего босиком. А так обитали в огороде или в летних кухнях, коптивших степное небо десятками едких дымков. Во всяком случае, тетя Вера, как казалось Мишке, не вылезала из кухни. Если не готовила обеды, завтраки и ужины, то консервировала, варила варенья и компоты.

Соседкам она часто жаловалась с ноткой гордости:

– У меня четверо мужиков! Да и мы с Ленкой. Поди такую ораву накорми...

Мишка обошел участок трудовика. Доступны для осмотра были только три стороны. Две выходили на дорогу, одна в степь, а четвертая примыкала к соседскому саду. Туда Потапыч не совался. Там – Врангель, огромная псина, московская сторожевая. С ним не порезвишься, как с Матрешкой... А вот он с тобой, как с тряпичной куклой, может порезвиться вволю, если захочет.

– Потапыч! Здорово! – приветствовал его Димка, сын священника отца Максима.

Патлатый Димка, ровесник и одноклассник Мишки, был весь в потно-грязных потеках – и лицо, и руки. Названный в честь великого греческого святого Дмитрия Солунского, сейчас Димка меньше всего походил на красавца воина, великомученика, икону которого Мишка видел у друга в комнате.

– Ты что, яму выгребную чистил?! – хмыкнул Потапыч.

– Ага. Почти. Окна с мамкой мыли. Я на речку иду. Давай со мной! Куда ты вообще пропал? На футбол не приходил. Дома запрягли?

– Да инглиш этот! – отмахнулся Мишка.

Димка пристально поглядел на него темными карими глазами, но ничего не спросил. Дружили они всю жизнь, никогда не ссорились, но могли неделями не общаться, лишь здо-

ровались при случайной встрече. А потом, как ни в чем не бывало, снова играли вместе.

Переставали общаться из-за Мишки. Он не выходил на улицу, погружался в себя, становился сонным и скучным. Сидел в саду под жасмином, думая, что его никто не видит, и молчал по целым дням, придумывая что-нибудь невероятное.

Димка обычно терпеливо ждал, пока Потапыч выберется из своего, свитого им же самим кокона, обновленным, другим, с какой-нибудь новой затеей, выходявшей боком в большей степени Димке. Он не роптал. Мишкины увлечения обычно становились увлечениями всех хуторских ребят, и надолго.

– Пойду я, – неуверенно сказал Димка. – К концу литургии надо успеть. Папка рассердится.

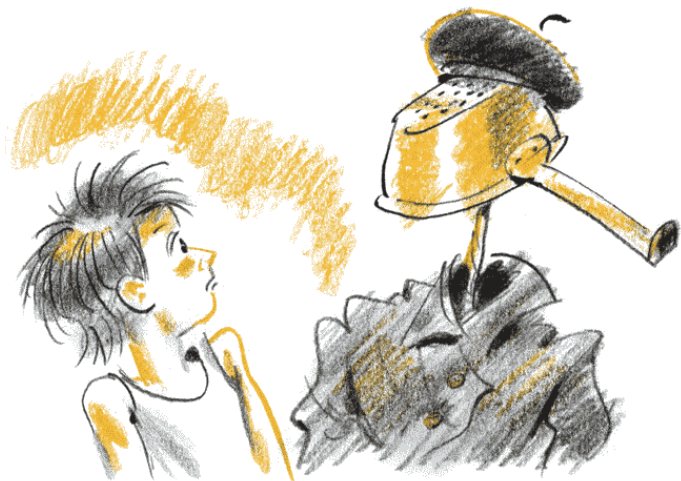
Мишка кивнул, дождался, когда друг уйдет подальше, и снова прильнул к забору.

Он наконец обнаружил трудовика на площадке перед домом, рядом с машиной. Иван Иванович сваривал ножки от парт и столов автогеном. Мишка зажмурился от сыпавшихся от металла ослепительных искр.

Видя, что трудовик занят, Потапыч преспокойно перелез через забор и сразу испуганно замер, неожиданно увидев синий халат впереди, за кустами.

Но халат оставался неподвижным, и Мишка решил приблизиться. Огородное пугало стояло около клубничной

грядки, облаченное в темно-синий рваный халат и берет. Вместо лица висел дуршлаг с кусочками фольги по краям. Они чуть колыхались, хотя ветер из степи сюда через крепкий забор не проникал.

От этого тихого шевеления и безносого дырчатого лица с потеками ржавчины у Мишки побежали мурашки по плечам.

«Болван! – подумал он про трудовика. – Он бы еще на дуршлаг свою фотографию приклеил, а в карман халата свой паспорт положил. Головоломка „Найдите десять отличий“. Наверняка все решили бы, что настоящий – вот этот».

Страх чуть отпустил, и Мишка смог сдвинуться с места. Пригнувшись, он пробежал вдоль стены дома, желая пробраться к душе и затаиться в кустах поблизости. Но едва не налетел на трудовика, который тащил сваренную конструкцию в сад. К счастью, в этот момент Иван Иванович пятился и оказался спиной к Мишке. Тот успел присесть за огромной бочкой с дождевой водой.

Сопя и отдуваясь, трудовик прошел совсем рядом. Его заботило, как бы не задеть и не обтрясти яблоню, и по сторонам он не смотрел. Покрывшись липким потом, Мишка на четвереньках выполз из-за бочки и хотел было удрать через распахнутые ворота, но услышал сзади шаги возвращающегося Ивана Ивановича. До ворот Потапыч не успевал добежать незамеченным, только до душа. Он нырнул в кусты ежевики, ощутив на коже всю мощь ее колючих объятий, и с трудом сдержался, чтобы не завопить.

Иван Иванович шел обратно, тяжело ступая, с покрасневшим от натуги лицом, вытирая пот беретом. Мишка, кривясь от боли, сел поудобнее и приготовился ждать. Потом он сможет рассказывать, какие страдания ему пришлось перетерпеть ради науки и бессмертия всего человечества.

Трудовика надолго не хватило по такой жаре. Он сделал еще две ходки, но передвигался уже еле-еле.

«Годы дают о себе знать, – злорадно подумал Мишка. – А ворованные школьные детали от парт все руки оттянули... Парник, что ли, строит?»

Иван Иванович, включив шланг, добавил в бак над душем холодной воды, потянулся в предвкушении облегчения от невыносимого полуденного зноя и начал разоблачаться. Снял халат и берет, положил их на низенькую скамеечку, туда же легло и все остальное.

Потапыч едва сдерживал душивший его смех. В таком виде трудовика ему видеть еще не доводилось.

Иван Иванович уже всю блаженствовал под струями воды, а Мишка лихорадочно соображал, как подобраться к фляжке, ведь трудовик не задернул шторы и скамеечка с вещами находилась в поле его зрения.

Пришлось подползать по-пластунски как можно ближе к заветной цели и выждать момент, когда Иван Иванович продемонстрирует ему свою кормовую часть, то бишь зад. Вот наконец филейные части трудовика были явлены миру, но Мишку они не занимали нисколько.

Рывок – и заветная фляжка очутилась сначала у него в руке, а затем и за пазухой, оттянув футболку на пузе.

Фляжка, судя по весу и густому побулькиванию, оказалась почти полной. Мишка выскочил за ворота, пробежал немного по улице и забрался в густой малинник, проросший сюда из сада тетки Марьяны и притягивающий детей. Да и взрослые хуторяне, проходя мимо, неожиданно для самих себя оказывались в зарослях с полным ртом больших спелых ягод. При том, что в собственных угодьях ветки ломались от обильных урожаев, миновать этот малинник не было ника-

кой возможности: всем с детства известно, что у тетки Марьяны огородная овощь и ягоды самые что ни на есть вкусные.

Но сейчас малина еще только начинала краснеть, и паломничества визитеров Мишка не ожидал, затаившись под кустами.

Он отвинтил крышку с замиранием сердца и понюхал.

Запах напоминал сливовое варенье с примесью чего-то терпкого, незнакомого, но не отталкивающего. Да это и нормально для чудодейственного эликсира.

Мишка так в это поверил, что ему показалось, что из горлышка поднимаются магические пары. Он решил попробовать. Трудовик ведь от этого не помер. Наоборот, процветает вот уже сколько лет.

Зажмурившись, он отпил. Вкус был таким же терпким, как и запах, но сладким. Мишке понравилось, и он отпил еще. Ничего не почувствовал, кроме жара в щеках. Решил, что, наверное, именно так и происходит омолаживание, запоздало опасаясь, как бы не превратиться в младенца.

– Ради науки потерплю, – пробормотал он и отпил еще. Вылез на карачках из кустов, расплескав содержимое фляжки.

Ему подумалось, что таиться больше не стоит, и, пока дошел до дома, еще несколько раз прикладывался к эликсиру. В итоге, когда толкнул калитку, во фляжке оставалось чуть-чуть, на донышке. Мишку слегка покачивало, но он ощущал

себя героем.

– Что это с тобой? – Из кухни высунулась бдительная тетя Вера. Она тут же исчезла в оконном проеме и показалась в дверях. – По солнцу бегал? Красный весь.

Она подошла и потрогала Мишкин лоб. Затем наклонилась и принюхалась.

– Ты что, пил?!

– Я еще не помолодел? – уточнил Потапыч, испытывая дурашливую веселость. Он ущипнул тетку за бок и звонко икнул. – Ой! Сорри! – извинился он почему-то по-английски.

– Да ты пьян?! – испугалась и возмутилась тетка. – Признавайся, кто тебя напоил?

Она больно схватила его за локоть и потрясла икающего племянника, хмелеющего на глазах.

– Не трогайте! Я теперь объект экс... экскремента, то есть эксперимента.

– Экскремента! – хохотнула Ленка из-за спины тети Веры. – Мам, там борщ кипит!

– Да отвяжись ты, короста! Звони быстро дяде Пете и отцу. – Она вынула из передника мобильный телефон и ткнула им в Ленку. – Скажи, у нас чепэ.

– Что?

– Бегом пусть бегут! – крикнула на дочь тетя Вера и потащила упирающегося Мишку на кухню к умывальнику.

– Где же ты так набрался, поросенок? – Она начала его умывать холодной водой.

Он отбивался от нее, но теткинны руки, как лапки ловкого паука, облепляли икающую, ослабленную эликсиром жертву. Мишка посмотрел в серую металлическую раковину, и его вырвало.

– Час от часу не легче!

– Мам, смотри, что я нашла! – Ленка протянула фляжку.

Тетя Вера понюхала, чуть попробовала на язык и тут же сплюнула в окно.

– Сливянка, – заключила она, обтирая Мишкино лицо влажным полотенцем. – Кто тебе ее дал? Говори!

– «Сие – тайна, покрытая мраком», – выдал он где-то вычитанную фразу.

– То молчун, а тут ишь как разговорился! – подивилась тетка, присев на табурет и глядя на покачивающегося, мокрого и жалкого Потапыча. – По материным стопам пойти хочешь? – вырвалось у нее.

Ленка наострила ушки.

– Отец тебе сейчас покажет тайну, покрытую мраком!

Угроза не подействовала: Мишка плохо понимал, что происходит. Он слышал торжественные фанфары, которые звучали в его голове, и видел толпу красивых девчонок, певших ему хвалебные гимны, при этом пинавших рыжую Ленку, лежащую у их ног. Верх блаженства!

– Наконец-то! – Тетка перевела взгляд на вбежавших, запыхавшихся дядю Гришу и отца.

Горец, которого гнали и больно ударили стеклом, когда он

замешкался на повороте, заржал, привязанный к перилам веранды. В его ржании слышалось возмущение: стоило ли так спешить ради глупого пьяного мальчишки?!

– Вот, полюбуйтесь. – Тетка Вера указала на Мишку.

Он услышал конское ржание и воспринял это как оскорбление.

– Пойду его побью, – решил Мишка и попытался вырвать у отца стек.

И сам вдруг несколько раз получил этим стеклом по заду. Вскрикнув, мальчишка удивленно оглянулся, ища обидчика с тыла.

– Петь, не стоит. Он вряд ли что-то понимает, – растерянно заметил дядя Гриша, беря протянутую ему теткой фляжку. – Такую я видел у школьного трудовика, он к ней часто прикладывался.

– Сходи к нему, – попросил отец. – Только чтобы без огласки. Перед завтрашним мероприятием мне скандал ни к чему, сам понимаешь. Выясни, в чем дело. Не думаю, что он сам его угостил... Пойдем-ка, голубок.

За руку он притащил Мишку домой. Тот то и дело спотыкался: у него заплетались ноги. Хватаясь за отца, он порвал на нем рубашку.

– Кто тебя напоил? – еще раз попытался достучаться до его пьяного сознания отец.

– Эликсир, – пробормотал Потапыч.

Его снова вырвало, и он упал мимо стула, но не потерял

сознание, а крепко уснул на полу.

* * *

Мишка попытался разлепить тяжелые веки. С третьей попытки это ему удалось. Открывал он их с тягостным ощущением постигшей его катастрофы.

Отец сидел рядом с кроватью на стуле и глядел на него пристально и мрачно.

Вяло пошевелившись под одеялом, Мишка почувствовал боль от вчерашних хлестких ударов стеклом и вспомнил все до мельчайших подробностей, всю свою «славу», обернувшуюся несмываемым позором.

– Папочка, ты только никому не рассказывай, – глухо из-под одеяла попросил он.

– Зачем ты украл у него фляжку? И зачем ты пил? – терпеливо спросил отец.

– Я думал, это эликсир бессмертия, – выглянул Мишка, отогнув одеяло. – Почему ты смеешься?

– Что у тебя за бурда в голове?.. Это вино. Обычная настойка – слива на водке. Ты напился и опьянел. – Отец покачал головой. – Ты ведь знаешь, какая у тебя мать. Я так тебя оберегал, а в итоге ты принял настойку за волшебный эликсир.

– Побей меня, только никому не говори! – заплакал Мишка горько, сжавшись в комок на кровати. – Не хочу, как она...

– Вчера стеклом достаточно получил. Вон, смотрю, ёрзаешь. А говорить я никому не стану. Зачем мне такой позор?

Потапыч заревел громче.

– Кончай! – строго оборвал его отец. – Вставай, умывайся, завтракай и садись за уроки. Было и прошло. Выводы ты, надеюсь, сделал?

Мишка часто закивал, вытирая мокрое от слез лицо о пододеяльник, и с послушной готовностью вскочил. Его шатнуло вправо, а затем кинуло влево.

– Это пройдет, – заметил отец и неохотно добавил: – На днях придется съездить в город. Она свидания требует.

Потапыч весь съежился, нахмурился. Эти встречи с матерью он не выносил.

– Да, вот еще что. – Отец с жалостью взглянул на него. – Ко мне сегодня должны приехать корреспонденты, фотографировать для какого-то календаря. Делать им нечего! Отрываю от работы! Придется их угощать, время уделять. Глава администрации просил. Так ты приберись в комнатах. И себя в порядок приведи. А я – на конезавод.

Мишка быстро оделся, застелил постель и сорвал со стены цирковую программку, чтобы глаза не мозолила.

«В чем она, слава?» – подумал он, глядя на улыбающееся лицо Сашки.

Вышел из дома и увидел напротив наспех сделанное чучело в старом теткинском синем халате с табличкой на шее и надписью Ленкиным почерком отличницы: «Иван Иванович».

Мишке совершенно расхотелось совершать сегодня добрые дела, и он со свирепым выражением лица сначала порвал табличку, а затем побежал искать Ленку, которая где-то благоразумно затаилась.

Газыри

У отца на кровати лежала черкеска, старинная. Верхняя одежда грузин, черкесов, абхазов и других кавказских народов. Такие черкески стали давным-давно носить и кубанские казаки.

Тетка заглянула вслед за Мишкой к Петру Михайловичу в комнату.

– Дед Мирон прислал, – пояснила она. – Я ее подлатала. Всё лучше, чем новодельные. У этой и газыри́, и поясок отделаны чистым серебром.

– Газыри? – переспросил Мишка. – Что это? Для чего?

– А вот эти пенальчики, которые справа и слева на груди по несколько штук в ряд... Сам приберешься? Только отцовы вещи не трогай и к черкеске не прикасайся. Пыль с мебе-

ли сотри и пол вымой. Слышишь, олух царя небесного? Не рыскай глазами, не рыскай. Шашку дедову я припрятала, а то ты еще зарежешься.

– Гляди, как бы твой Юрик не зарезался! А то он только в книжки пялится, а жизни не знает.

– Зато ты познал вчера...

Мишка чуть не заплакал, и тетка пожалела о сказанном.

– Ладно, ладно. Не дуйся. На вот тебе пятьдесят рублей, мороженое купишь. – Тетка порылась в кармане передника и протянула деньги.

Потапыч угрюмо принял подношение.

– А когда я к деду Мирону поеду?

– У отца спрашивай, – отмахнулась она уже от дверей, обувая там шлепанцы, которые сняла, когда заходила. – Мне еще готовить на корреспондентов. Гриша грозился раков наловить и рыбы, да еще шашлык они хотят. О господи!.. А мне только знай поворачивайся живее.

Мишка обожал деда Мирона. На самом деле он являлся ему не дедом, а прадедом, но поскольку больше никаких дедушек-бабушек вовсе не имелось, вся привязанность Потапыча обратилась на него.

Дед еще до Мишкиного рождения переехал на другой хутор, женившись через несколько лет после того, как овдовел. Там еще раз овдовел, но так и остался жить на новом месте, в тридцати километрах от хутора Ловчий, независимый, свое нравный старик, на которого Мишка был похож и характе-

ром, и внешне.

Усевшись на отцову кровать рядом с черкеской, Мишка погладил ее, тронул пальцем серебряные, потемневшие от времени, прохладные газыри. Тут же лежали папаха из черного, мягкого, в мелких завитках меха и красная рубаха под горло – косоворотка. Воротник должен был облегать горло, застегиваясь на пуговички, и доходил почти до подбородка. Ткань выглядела старой и выцветшей, но еще крепкой. Мишка знал, что ткань для рубахи ткала еще его прабабка. Из-под рубахи выглядывали черные шаровары без лампасов. Рядом с кроватью стояли невысокие начищенные сапоги.

Отец почти все время ходил в сапогах, только голенища у них были выше, чем у этих, – для верховой езды.

«Какое смешное название – газыри», – подумал Потапыч и бросил взгляд на компьютер на письменном столе.

Отец запрещал им пользоваться в свое отсутствие, да и в те редкие часы, когда был дома, тоже не приветствовал сидение перед монитором. А сам по вечерам подолгу засиживался. Сколько ни заглядывал Мишка ему через плечо, на экране все время высвечивались скучные документы, таблицы, графики. Иногда фотографии лошадей.

Мишка вспомнил про компьютер, чтобы узнать про газыри. Но отец, подстраховавшись, еще и пароль поставил от Потапыча. Поэтому взгляд Мишки переместился на большой книжный шкаф, казалось раздувшийся от книг, журналов по коневодству, брошюр по ветеринарии, вырезок из ста-

тей об отцовских победах в соревнованиях и его конезаводе. Но в самом низу стоял Большой энциклопедический словарь.

– Таким убить можно... – проворчал Мишка, вытаскивая тяжелый толстый том и открывая его на нужной странице.

Но вместо того, что искал, увидел другое слово.

– «Газы нефтяные попутные»! – прочел Мишка и рассмеялся. – Нет, это явно не то. Когда надо, так нет, – посетовал он и выругался, оглянувшись.

За «черное», то есть матерное, слово можно было схлопотать по губам от взрослых. Дома никто не ругался, кроме дяди Гриши.

Мишка слышал, как тот пересыпал разговор матом, когда ссорился с поставщиком кормов по телефону у себя в комнате. И то, сообразив, что дети не могут этого не слышать, тетка кинулась туда, и он тут же прекратил.

Потапыч бросил словарь на кровать, лег рядом с черкеской на живот и стал разглядывать эти самые газыри внимательнее. Обнаружил, что сверху на каждой крышечка. Он потянул одну, и она открылась.

Мишка отскочил от черкески с крышкой в руке, решив, что сломал несчастный газырь.

Но испуг прошел, а любопытство осталось, и Мишка снова прилег рядом, чтобы не помять вещь. Он попытался заглянуть в пенальчик, но там было совсем темно, и пахло оттуда странно – кисловатым, тревожным. Мишка легонько потряс

газырь. Внутри что-то несомненно находилось.

Поискав глазами листок, Мишка нашел газету, лежащую на подоконнике, оторвал с первой страницы приличный клочок, подложил под пенальчик и наклонил его. На газету высыпался серо-черный зернистый порошок.

– Что это еще такое? – поморщился Потапыч.

Однако он методично, с завидным усердием, проверил все пенальчики. Один не открылся, и Мишка решил не рисковать, чтобы не сломать его. По десять газырей крепились справа и слева на груди. Всего, стало быть, двадцать. Но порошок попался еще только раз, и высыпалось его на газету значительно меньше.

– Интересно!

Мишка понюхал порошок и решил завернуть его в газету и спрятать до выяснения обстоятельств. Интуиция ему подсказывала, что это не мусор и не пыль времен.

На газыри Мишка ухлопал полтора часа и весь перепачкался. Пенальчики открывались туго и пачкали руки. Еще полчаса он на террасе отмывал кончики пальцев и радовался, что черкеска черная и грязь на ней не заметна.

В итоге он испачкал раковину и футболку. Раковина не отмывалась, а футболка не отстирывалась. Глянув мельком на себя в зеркало, он увидел, что и лицо все в полосах этой черной пасты.

Мишка подумал, что давний его предок не отличался чистоплотностью и грязными лапами лазил в эти загадоч-

ные газыри. Такая мысль вызвала у него нервный смех до слёз. Облокотившись о раковину, он хохотал, сжимая мокрую грязную футболку в руках.

– Молодец! – раздался отцовский сердитый голос за спиной. – Я его попросил убраться в комнатах, а он не то что не убрался, но и сам перемазался. Раковину всю чем-то изгваздал. Вот и надейся на тебя после этого.

Он разочарованно покачал головой и, сняв сапоги, босиком прошлепал к себе в комнату и раздраженно захлопнул дверь.

Мишка надул губы. Смех сразу куда-то подевался.

– А газету ты зачем свежую изорвал? – донеслось грозно из-за двери. – Ну что с тобой делать?

Мишка боязливо покосился на крюк за террасной дверью, где неизбежно висел ремень.

Отец вышел из комнаты в полном казачьем обмундировании, постукивая себя по бедру нагайкой – плетью, сложенной пополам. Мишка знал, что на кончике плети приделано грузило. Такой можно и ранить сильно, и даже убить при определенной сноровке.

– Ух ты! – в восхищении замер Потапыч. – Какой ты важный!

Отец поправил папаху, сдвинув ее чуть набекрень, и глянул в зеркало. Подкрутил несуществующий ус и хмыкнул.

– Так, поросенок! Надевай чистую футболку, ту, синюю, и чеши к тетке на кухню в подсобники. Искупишь злодеяния тяжким трудом. Она зашивается. Гришка притащил целый жбан отменных раков. Все утро по камышам ползал. И чебаков здоровущих наловил. Будем потчевать столичных гостей. Кто-то еще из администрации приедет. – Он притопнул ногой в сапоге и пропел или, вернее, проговорил речитативом:

Черкес молодой, чернобровый.
У черкеса кинжал новый.
Кинжал новый в грудь вопьется.
По кинжалу кровь польется...

Мишка слушал, открыв рот.

– Всё, концерт окончен! – посерьезнел отец. – Беги, кому говорю!

– Пап, а ты куда сейчас?

– На конезавод. Они хотят поснимать, когда я что-нибудь из джигитовки покажу.

Около конезавода располагались левады – огороженные искусственные пастбища для лошадей, загоны для объездки лошадей и для отцовских тренировок.

– Можно, я с тобой? – оживился Мишка. – Я так хочу

посмотреть!

– К тетке! – показал отец в сторону кухни нагайкой. – Живо!

– А шашка? – напомнил сын, улыбаясь.

– Ах ты, елки-палки! – схватился за левый бок отец, там, где должна была висеть шашка. – Тетка ее запрятала в своих кухонных лабиринтах. Пойдем вызволять.

Мишка бросился вслед за отцом, не поспевая за его быстрым шагом.

Высунулся с террасы дядя Гриша в мокрой майке и «семейных», желтых в красный цветочек, трусах.

– Ха-арош! – поцокал он языком.

– Вот. – Тетка выбежала из кухни, обтирая старинную шашку передником. Понаблюдала, как отец вешает ее на плечевой портупее. – Настоящий кубанский казак!

– Мы на Дону живем, – встряла Ленка. – Значит, донские казаки.

– Кубанские мы! – отмахнулась тетка. – Иди за картошкой следи, чтобы не убежала.

Отец почти незаметным движением взлетел на Горца и поскакал к калитке, уворачиваясь от яблоневых веток. Мишка помчался следом.

– Куда?! А помогать кто будет? – крикнула тетка.

– Я до калитки только, – буркнул Потапыч на бегу.

За калиткой на дороге сразу откуда-то появился любопытный народ, глядя вслед невесть откуда взявшемуся казаку,

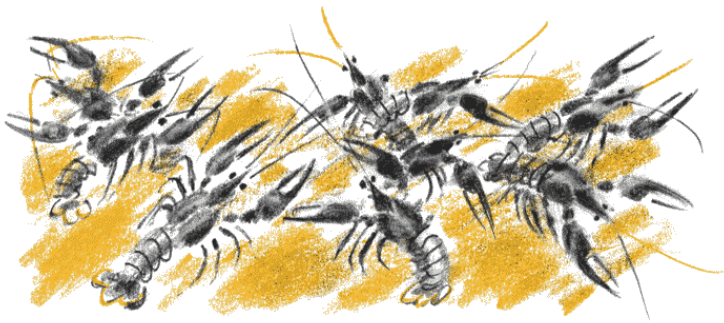
словно привидение проскакавшему по дороге. Черный конь взбивал теплую пыль копытами.

– Михай-ил! – позвал дядя Гриша раздраженно.

Потапыч понял: в этот раз не увильнуть. А когда приплелся на кухню, замер от восторга. Весь пол покрывала шевелящаяся коричнево-зеленая масса с клешнями и усиками. Рачье войско выбралось из большой кадучки, пока все любовались отцом с шашкой, и собиралось сражаться за свою жизнь.

Тетка забралась на стул: она терпеть не могла клешненогих. Ленка тоже взгромоздилась на тахту, хотя ничуть не боялась. Юрка, как всегда, затаился в саду с очередной библиотечной книжкой, которых он перечитал уйму. Дядя Гриша остался один на один с шуршащим полчищем, и численный перевес был не на его стороне. Потому он так нервно и звал Мишку.

– Собирай этих тварей! – Он явно проглотил еще несколько ругательств, обращенных к ракообразным. – Смотри, чтоб под тахту не залезли! Да быстрее же ты, господи!

Мишка любил есть раков, но в сыром и шевелящемся виде они вызывали у него отвращение. И все-таки за полчаса сражения они с дядей выиграли бой и сели рядышком на тахте, бок о бок, потные и счастливые.

Однако счастье длилось недолго.

– Что вы расселись?! – Тетка вернулась к плите. – Гришка, давай раков своих вари и угли делай для шашлыка. Мишка, дуй в огород – морковки надо, помидоров, огурцов, зелени, лука.

– Какая ж морковка в это время года? – Потапыч тянул время.

– Такая. На грядке, где я под зиму сеяла. Что ты кобенишься? Что мы гостям покажем, твою унылую физиономию или стол с угощением?

Пробираясь среди двухметровых зарослей помидоров, как в джунглях, Мишка продолжал мысленно спорить с тет-

кой.

– «Что мы им покажем!» – передразнил он ее, очень похоже состроив гримасу. – Они не смотреть, а есть придут.

Он сорвал розовый помидор и сунул его в корзинку, которой снарядила его тетка. Помидорная ботва на солнце пахла так сильно, аж в носу щипало. Мишка чихнул и стал дергать из грядки морковь с косматой ботвой, толстую, с белесыми ниточками корней, оплетавших оранжевый плод. Земля в грядках, как ни поливали, оставалась сухой и к плодам почти не прилипала.

Огурцы искололи все руки своими черными шипами, на которых по утрам, как на антеннах, выступала лишняя влага, и они блестели, словно унизанные бриллиантами.

«Почему тетя Вера сказала, что мы кубанские казаки? – размышлял он, выдергивая с корнем лохматый дымчато-зеленый укроп. – Его с раками хорошо... – Поглядев на зелень, Мишка сглотнул слюну в предвкушении запоздавшего обеда. – Ленка-то права. Живем ведь на Дону. Но у местных казаков форма вроде другая».

То, что они казаки, Мишка, конечно, знал, но в детали не вдавался, ни отца, ни деда не расспрашивал. Видел на домике хуторской администрации плакатик с немолодым казаком, накручивавшим длинный ус на палец. А под его сапогами надпись: «Казачьему роду нет переводу».

Сначала Мишка понял это буквально: мол, слово «казак» не переводится на иностранные языки. Отец его высмеял и

объяснил, что имелось в виду. Казаки были, есть и будут. Правда, отец сказал, что сейчас больше дутых казаков, фальшивых. А большинство настоящих поубивали на Гражданской войне в начале двадцатого века или расстреляли позже, как несогласных с советской властью. Выжили те, кто похитрее да понезаметнее, кто вовремя перешел на сторону тогдашней власти. Хотя некоторых из таких «перебежчиков» потом тоже «шлепнули», как выразился Петр Михайлович.

Так вот те, кто из настоящих, не кичились тем, что они казаки. Жили себе, работали в поле, воевали, как дед Мирон, в Великую Отечественную войну за Родину, молились Богу тайком, потому что при советской власти религию объявили лишней и вредной. И до нынешних дней дожили их дети, внуки, правнуки.

Мишка впервые видел, чтобы отец согласился фотографироваться в казачьей форме. Видно, ему самому понравились черкеска и шашка. Кровь в нем казачья разыгралась.

«Но что же это за порошок в газырях?» – вспомнил Мишка.

Корзинка переполнилась свежими овощами и зеленью. С плетеных боков свисали толстые перья лука, петрушка и укроп, сельдерей и морковная ботва. Поверх помидоров и огурцов лежали объемные плоды сладкого перца, зеленые и прозрачно-желтые.

Теперь Потапыч перебрался на клубничную грядку. Клубника уже отходила, а последние ягоды, как известно, самые

сладкие. С грядки немытую ягоду тетка есть запрещала, но в этом вопросе, как и во многих других, Мишка гнул свою линию, и полный рот переспелых ягод повышал его самооценку, делал его взрослее и самостоятельнее в собственных глазах.

«Хочу – и ем», – думал он и следил, то и дело оборачиваясь, не идет ли тетка с хворостиной. А то самооценка самооценкой, а тылы оборонять надо.

Солнце напекло макушку, но Потапыч не обращал на это внимания. Он мыслями унесся далеко, как это почти всегда происходило с ним в огороде.

Ему пригрезилось, что в газырях припрятан был предприимчивым казачком, его предком, золотой песок, но он потемнел от времени. Эта идея так приглянулась Мишке, что он даже решил после обеда промыть порошок под краном в теткинском решете для муки: там ячейки мелкие, порошок не утечет. Мишка видел в кино, как в похожем решете золотоискатели намывали в речке золотые самородки и золотой песок.

Отца, конечно, о газырях не спросишь, ведь ему, Мишке, вообще запретили подходить к черкеске, а не то что совать любопытный нос в таинственные газыри.

– Сидишь, да?! – зашипела Ленка из-за помидоров. – Я тут стою уже давно. Наблюдаю за тобой. Думаю, как ты не лопнешь! Все маме скажу!

– А я тебя не заметил. Ты сливаешься по цвету с помидо-

рами, – уязвил ее Мишка и тут же увернулся от летящего в него помидора, подобрал его и уложил в корзинку. – Мерси, я этот спелый не заметил.

– «Замерсикал» он! – подбоченилась Ленка. – Ты английский сперва выучи, француз недоделанный! Гости уже пришли давным-давно, всех раков съели, а ты тут сиди, сиди, как жук клубничный. Ешь ее, ешь, пока у тебя диатез не начнется!

– Пиявка американская! – крикнул Мишка, схватил корзину и, высоко подкидывая тощие ноги над грядками, понесся на кухню.

На веранде за столом действительно сидели гости и во главе стола отец. Но, по-видимому, только сели, потому что Петр Михайлович объяснял:

– У нас, братцы, никто не пьет. Вот разве мой зять, Григорий Матвеевич, составит вам компанию. Вино свое, домашнее, но только для гостей.

– Думаю, Григорий Матвеевич тоже обойдется. – Тетка отодвинула от мужа рюмку подальше, возникнув из-за спины.

Она заметила Мишку с корзинкой.

– Тебя за смертью посылать! – зашипела она, утаскивая его на кухню, и почувствовала исходивший от него запах клубники. – Ну, я тебе задам!

Но Мишка вывернулся и оказался у стола.

– А это мой сын, Пота... – начал было отец и со смехом

поправился: – Михаил. – Он чуть повел бровями, заметив, что Мишка в майке, а синюю футболку так и не надел.

– Почему же вы не пьете? – спросил один из гостей, парень в легкой бежевой рубашке с коротким рукавом. Рядом с ним на столе лежал фотоаппарат с массивным объективом. Длинные, волнистые, чуть золотистые волосы до середины шеи и курносый нос делали его похожим на изображение Иванушки-дурачка в детской книжке, которую Мишка зачитал до дыр, едва научившись складывать буквы в слова. – Это принципиальная позиция?

– Я – спортсмен. – Отец явно не хотел высказываться резко.

– Знавал я многих спортсменов, которые за милую душу... Только наливай. – Это вмешался гость постарше, полноватый, со смеющимися светло-кариими глазами и полными губами, делавшими его лицо еще более добродушным.

Петр Михайлович был ему явно симпатичен со всей его семьей, и он подначивал по-доброму.

– В жизни хватает проблем, чтобы чем-то искусственно дурманить себе мозги. – Отец бросил мимолетный взгляд на Мишку. Тот уткнулся в тарелку с вареными розовыми раками, сравнившись с ними по цвету. – Но это мой личный выбор. Я никому ничего не навязываю. Тем более, – он улыбнулся, – лошади не любят винный запах.

– Пап, а ты петь будешь? – вмешался Мишка.

– Да, правда, Петро, спой, – оживился глава поселковой

администрации, седоусый Николай Иванович, с богатой седой шевелюрой, завивающейся крупными кольцами.

Петр Михайлович умел петь по-казачьи, играя голосом, слыша никому больше не слышную музыку. Его голос словно танцевал вокруг мелодии – то справа зайдет, то слева, то снизу, то сверху, при этом совсем не фальшивя. Песня становилась объемной и трогала часто до слёз, особенно тех, кто слышал такое пение впервые.

Ему вторили тетя Вера с дядей Гришей, оттеняя красоту его голоса. Дядя Гриша пел более высоко, задиристо.

Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разольется.
Там сердце девичье забьется
С восторгом чувств не для меня.

Не для меня цветут сады,
В долине роща расцветает.
Там соловей весну встречает,
Он будет петь не для меня.

Не для меня текут ручьи,
Журчат алмазными струями.
Там дева с черными бровями,
Она растет не для меня.

Не для меня придет Пасха,
За стол родня вся соберется.

«Христос воскрес!» – из уст польется.

Такая жизнь не для меня.

А для меня кусок свинца,

Он в тело белое вопьется.

И слезы горькие прольются.

Такая жизнь, брат, ждет меня!

При этом отец, как и все на хуторе, букву «Г» произносил мягко, почти на украинский манер, оттого песня звучала еще душевнее. Да и отцовская черкеска, которую он еще не снял, создавала ощущение, что к ним на веранду вдруг забрел казак из прошлого века.

Начинал он петь опустив голову, опершись одним локтем о колено, сидя боком к столу, а заканчивал вытянувшись в струнку, словно ехал на коне и в самом деле уже смотрел в лицо смерти. Мишку всегда немного пугала концовка этой песни, будто и правда отца в бою настиг «кусок свинца».

– А почему у вас такая необычная одежда? – спросил молодой. – Ведь у донских казаков вроде она синяя с красным, если я не ошибаюсь.

Мишка замер, прислушиваясь. Может, про газыри спросят.

– Наши предки с Кубани, – объяснил отец. – А у них черные черкески носили с красной рубахой, шаровары без лампасов и папахи укороченные – кубанки. Зимой – бешмет и башлык красный.

– Бешмет? – переспросил фотограф.

– Зимняя форма одежды из белого сукна. Каракулем подбивалась черным или темно-коричневым. Но бешмет у деда Мирона моль сожрала. Кубанка чудом уцелела.

– А как же вы, кубанцы, в Ростовскую область перебрались? Я слышал, что, наоборот, массово из Ростовской области на Кубань казаки уезжали. Там же чернозем. А здесь земли тяжелые.

Гости налегали на раков и шашлык, но слушали с интересом.

– Во время Гражданской войны на Дон подались да так и осели. На хуторе нас, как дед Мирон рассказывал, приняли хорошо. Таких, как мы, несколько семей с Кубани бежало. Здешний хутор на отшибе, далеко в стороне от остальных, в степи, красные его стороной обходили. Он и от Дона неблизко. А железная дорога по ту сторону реки. Не стратегический пункт. Сюда и советская власть позже пришла, и без губительных репрессий обошлось, тихо-мирно. Отец нашего деда Мирона, Петр Михайлович, мой тетка, царствие ему небесное, – дальновидный дядька был. И свою семью спас, и других сюда привел. Его уважали станичники, послушались его совета и спаслись.

– У вас, я вижу, Михайлов в семье много, из поколения в поколение. Вот и младший Михайло подрастает, – заметил пожилой корреспондент.

– Считалось, что архангел Михаил – покровитель нашего

рода. У нас в доме есть старинные иконы с его ликом. Их прятали во время советской власти, а теперь они у нас, как и положено, висят в красном углу.

Даже Юрка прислушивался, хотя до этого читал книгу, лежащую у него на коленях под столом. Выглядел в меру загорелым, хотя все лето торчал в саду, в тени деревьев. Никто бы не подумал, что он книголюб, да такой ярый! Читал Юрка все подряд: газеты, журналы, книги. Если вдруг у него за столом отбирали книгу, он принимался читать состав молока, конфет, которые лежали на столе. Тетка даже водила его к врачу-невропатологу. Но врач сказал, что мальчишка, уж во всяком случае, нормальнее ее самой, просто любит читать. Главное, чтобы он высыпался и не читал по ночам. Тетка обиделась на врача. Вместе с дядей Гришей они махнули на сына рукой и записали его в хуторскую библиотеку. А Мишкин отец при любой возможности покупал ему книги.

Внешне Юрка был очень похож на Петра Михайловича – белобрысый, стройный, выше Мишки на полголовы. Но скучный. Играть он ни во что не хотел: его, как магнитом, притягивали буквы, сложенные в слова. Мишка оторвал взгляд от брата и услышал последнюю фразу отца.

– Что-то и у деда Мирона осталось.

– Что? – влез он в разговор.

– Иконы, – шепнула тетка и урезонила вполголоса: – Не встрейай, когда старшие разговаривают! Дети, идите лучше погуляйте, – предложила она.

Но никто и с места не сдвинулся: шел интересный разговор, а дядя Гриша в большом чане на костре варил новую порцию раков и жарил шашлык. Вместе с дымком костра и запахом жареного мяса по всему саду разливались ароматы цветов и трав. Степь за садом дышала, как большая печь, горячим воздухом и сухими травами, высушенными в ней.

Разговоры текли неспешно до вечера. Закипел самовар. Отец не признавал электрических чайников. Заварили чай со смородиновым листом и пили его со смородиновым кисловатым и приторно-сладким клубничным вареньем и свежим хлебом, испеченным теткой утром.

Гости уехали на машине, шумно попрощавшись, и продолжали благодарить хозяйку, высовываясь из открытых окон.

Обалдевшего от событий Мишку тетка загнала в душ. Он активно помогал при изготовлении шашлыка, дул на угли и здорово закоптился.

У них в саду стоял почти такой же летний душ, как у трудовика, но только с брезентовыми шторами, более капитальный. Мишке он особенно нравился, потому что его привезли армейские товарищи отца, с которыми он вместе служил в спецназе в юности, сразу после школы.

От этого душа веяло приключениями. Он путешествовал с военными по горам и лесам. (Хотя душ был новый, со склада, Мишке хотелось так думать.) Парень воображал себя спецназовцем, пока намыливался, подставлял голову

под горячие струи, лившиеся сверху из металлической лейки. Мишка каждый раз смотрел благоговейно на синеватый штемпель со складскими данными – он символизировал принадлежность к другому миру, сильному и загадочному.

– Ты скоро? – нетерпеливо подал голос из-за шторы дядя Гриша. Он сидел рядом на скамеечке и курил. Дым вползал под шторку, и от этого внутри было еще загадочнее и вылезать не хотелось. – Давай живей, кому говорят? – Дядя уже сердился, и Мишка неохотно вышел.

В одних трусах и шлепках прибежал домой и, плюхнувшись животом на полосатый вязаный половик, полез под кровать. Там в картонной коробке лежали старые игрушки: пистолеты, машинки и барабан. Мишка давно к ним охладел. Его больше сейчас привлекали настоящие вещи: бинокль, нож, шашка, выданная отцу напрокат дедом Мирном... Шашка!

Мишка забыл, зачем полез, медленно выбрался из-под кровати и взглянул на нее. На цветастом сине-желтом покрывале лежала *она*. Шашка. Видимо, когда отец с гостями приехал с конезавода, он бросил ее второпях на кровать.

Потапыч взял шашку в руки. Вытащил из черных ножен, медленно, с легким шорохом, и осмотрел, чуть изогнутую, темную. Ею, наверное, не одного врага зарубили – настоящая. Головку черной рукояти украшал орнамент из листьев, создававший венок, внутри которого тускло поблескивала буква «Н» с красивыми завитушками.

С трудом Мишка удерживал отцовскую шашку в руках.
– Тяжелая! – с восторгом изумился он.

Ножны упали на пол с деревянным стуком. Потапыч с испугом бросился их поднимать и понял, что они деревянные, обтянутые черной кожей. К счастью, от удара с ними ничего не случилось. Но когда Мишка поднимался с корточек, он нечаянно чиркнул шашкой себя по ноге, пониже колена.

Сначала совсем ничего не почувствовал, однако кровь вдруг проступила и, накопившись у нижнего края царапины, заструилась к ступне. Мишка поскакал на одной ноге на террасу, смыл кровь у раковины, из шкафчика достал перекись водорода и кусок ваты.

– Чем это ты благословился? – Отец зашел на террасу, разулся и снял португепю, бросив ее на круглый стол, стоявший под большим оранжевым абажуром. – Случайно, не шашкой? Чего краснеешь?.. С тобой как на вулкане, Михаил! Возраст у тебя переходный, что ли?

– Ничего не переходный. – Мишка поморщился, приложив к ране вату, пропитанную перекисью. – Острая, зараза!

– А ты думал! Спасибо, что совсем не зарезался. С тебя станется! – Отец ушел в комнату, хлопнув дверью.

Мишка снова устремился к своей кровати, но шашки там уже не было. Он успел ее как следует рассмотреть и потому не расстроился. Опять полез под кровать. Там, за ящиком с игрушками, он спрятал газетный кулек с порошком из газырей.

Зашуршал бумагой и подсветил фонариком. Догадка, что это могут быть крошки от табака, пришедшая ему на ум, когда мылся в душе, явно была неверной. Если только какой-нибудь закаменевший от времени табак.

– Чем ты там шуришь? Не моей ли оборванной газетой? – заглянул к нему отец.

– Нет! – Мишка испуганно дернулся и ударился головой

о сетку, которая аж загудела.

– Вылезай-ка оттуда и ложись спать. Хватит на сегодня приключений. Ты уже перевыполнил план. Пробитая голова на ночь глядя меня не устраивает.

* * *

На дворе еще светло. Солнце перевалилось за степь или, как Мишке иногда казалось, укатилось в трещину в степи, как монета в большую копилку. Свет рассеивался вокруг, хоть и не было видно источника. Этот свет, да еще свет из приоткрытой двери в отцовскую комнату, и шуршание газеты, которую отец читал на сон грядущий, мешали уснуть.

– Па-ап, – позвал Мишка, – а когда ты меня к деду Мирону отвезешь? Я соскучился.

– А? – рассеянно переспросил отец и после паузы ответил: – Да хоть завтра. Но только на день. Вечером заберу. Надо будет в город ехать.

– Я не поеду в город!

– Потапыч... – Отцовский силуэт возник в дверном проеме. – Ты же знаешь – надо. Иначе она в суд подаст, и тебе придется туда пойти и говорить, с кем ты хочешь жить – с ней или со мной. И даже если ты скажешь, что со мной...

– С тобой! С тобой! – закричал Мишка, садясь на кровати.

Отец подошел, пристроился на край и погладил сына по голове.

– Суд может решить в пользу матери, хотя в одиннадцать лет мнение ребенка учитывается... Но это смотря какой судья попадет. А сейчас опека над тобой у меня по тому, первому суду, и лучше это дело не будоражить. Помучаемся пару часиков. Ты же знаешь, она больше мной интересуется. И всё. На месяц забудем о ней. А там скажем, что ты заболел. Глядишь, так два месяца и пройдет спокойно. Да?

Мишка лег обратно на подушку и горько вздохнул.

* * *

– Не высовывайся! Сколько тебе говорить! – Отец с недовольством взглянул в зеркало заднего вида. – Сядь и пристегнись!

Мишка любил ездить на машине по степной дороге, высовывался из окна и ловил ветер – ртом, ушами, волосами, – а потому вряд ли слышал ценные указания. В итоге отец, притормозив, изогнулся и дернул сына за штаны.

– Сядь, говорю же! Сейчас поверну обратно! – пригрозил Петр Михайлович.

– Тебе самому к деду Мирону надо – черкеску и шашку отдать. А туда-обратно ты ездить целый день не будешь.

– Язвишь? Ты вообще как с отцом разговариваешь?

Мишка замолчал и насупил, обиженно глядя в окно.

Отец не хотел ехать в город встречаться с бывшей женой, может, еще больше, чем сын, потому сердился, пар спускал

на Мишку. Оба дулись друг на друга и молчали всю дорогу до деда Мирона.

Но вот появился на горизонте зеленый забор, за ним крайний дом хутора, а когда проехали чуть дальше, показался и весь хутор, состоящий от силы из двух десятков домов.

Мишка оживился, вытягивая шею и выглядывая из-за подголовника переднего сиденья, ёрзал, мысленно подгоняя машину.

Дом деда Мирона был ближе всего к Дону. Он стоял на взгорке и словно сползал к реке: передняя часть его была ниже, чем задняя. Новая крыша, красная, выделялась из общей массы домов. Это отец весной пригнал сюда бригаду кровельщиков, и они в два дня перекрыли крышу, побросали с треском старый шифер в кузов грузовика и укатили.

«Как по волшебству! – изумлялся дед Мирон, отходил от дома подальше и любовался крышей. – А то текёт и текёт! Сладу с ней нет, только успевай тазы подставлять. А такой-то ни у кого в хуторе нет».

Школы на хуторе не было, и тут жили в основном старики. Молодежь приезжала только погостить. Чаще всего навещался Петр Михайлович с Мишкой.

Окруженный загустевшим старым садом дом, беленный, с синими ставнями и красной крышей, смотрелся игрушкой. Множество неизведанных мест в зарослях и полном тайн доме манили Мишку сюда. Да и сам дед Мирон, конечно.

– Ну что ты кур распугал, идол! – Дед выскочил во двор,

увидев в окно машину, и накинулся на отца.

Тот лишь улыбнулся, не обращая внимания на знакомое ворчание деда.

– Мишка, помоги сумки выгрузить. Дед, я тут тебе продуктов привез на целый месяц.

– На кой ляд они мне? Я пощусь... – Но он с любопытством заглянул в один из пакетов, который нес Мишка. После этого чмокнул правнука в затылок и подтолкнул в спину: – Неси, голубок, неси. Слышал, что батька велел?

Выглядел он лет на шестьдесят. Легкий, подвижный, чуть сутулый, почти не седой, только небритая щетина совсем белая. Глаза, затаившиеся в морщинках, хитрые, живые, интересующиеся всем, что происходит. Никто не дал бы ему девяносто два, а именно столько дед шумно отпраздновал весной, после чего порубил шашкой смородиновые кусты, демонстрируя преимущество старого доброго оружия против современных пистолетов.

– Ты давление-то меряешь? – громко спросил отец, зная, что Мирон Петрович туговат на ухо. – Надо следить...

– Поучи меня, старого, что мне делать! Это у вас, молодых, давление, а у нас это старость. А таблетки... Я и смолоду-то их не пил. Лучше уж самогону.

Мишка хихикнул с крыльца, за что получил одобрительный взгляд деда. Отец незаметно показал сыну кулак.

– Так ты же постишься, – урезонил он старика насчет самогона.

Сам отец пост соблюдал – и не только Великий пост, – но делал это незаметно для других и никому не навязывал. Тетка отдельно для него готовила постную пищу и подавала без лишних слов.

– Ты надолго? – перевел разговор на другую тему дед.

– Нет, – покачал головой отец. – Мишку до вечера оставлю. Черкеску привез. Спасибо, что одолжил.

– Помру – возьмешь себе, – великодушно разрешил Мирон Петрович. – Потом Мишке передашь, а не этому блаженному Юрке.

– Хорошо. Только уж ты смотри не помирай пока.

– Два века не живут. Но поскриплю еще, вам кровь попорчу своим ворчанием.

– Скрипи и ворчи на здоровье, – согласился отец и полез в машину. – Потапыч, не балуйся тут, дедушку слушайся. Я вечером за тобой приеду.

Машина запылила по улице и скрылась в белом облаке. Мишка уже забежал в дом, оставив сандалии на теплых досках крыльца. Внутри было сумеречно и пахло кислыми щами. Кислая капуста хранилась в погребе в бочке. За зиму дед с ней не управлялся и доедал летом. К нему захаживала соседка, баба Аграфена, едва ли не ровесница деда, и помогала с уборкой и готовкой. Она рассчитывала женить на себе старого Мирона, но тот благодарил за помощь, нахваливал еестряпню, а сам посмеивался в лохматые темно-русые с проседью усы и посасывал короткую курительную трубку.

Мишка любил бабки-Аграфенины щи и облизнулся в предвкушении. Он тут же полез в чулан под лестницей, ведущей на чердак, где в прошлый раз нашел старый ружейный, позеленевший от времени патрон в щели между половицами. В чулане лежало старое седло, кипы пожелтевших от времени газет и журналов, сачок для ловли бабочек, лошадиные уздечки и много чего еще, что Мишка не успел исследовать, откопать в пыли.

Дед не приставал к нему, не гнал из чулана, а сидел курил трубку, глядя в окно, или читал газету, нацепив старые, со сломанной дужкой очки. Он придерживал их рукой и изредка покашливал.

В этот раз Мишка нашел вырезанный из журнала черно-белый портрет красивого статного мужчины в черкеске, как у отца, только в белой рубахе под ней, при погонах и с орденom-крестом на шее. Благодородное, чуть удлиненное лицо не портили небольшие черные усики.

– Дед, это кто? – Мишка забежал в комнату. – Ты?

– Бог с тобой! Это генерал Врангель.

– Какой такой Врангель? – Мишка сразу вспомнил московскую сторожевую – псину, охраняющую участок по соседству с садом трудовика.

– Как – какой? Петр Николаевич. Барон Врангель. Участник Русско-японской войны и Первой мировой, между прочим. Против красных в Гражданскую войну сражался. Георгиевский кавалер.

– Почему в черкеске? Он что, казак?

– Не знаю точно. Кажется, нет. Помню, что он окончил реальное училище в Ростове. Это еще при царе Горохе. Его, кстати, за эту черную черкеску прозвали Черный барон.

– А у нас на хуторе один дядька собаку Врангелем называл. – Мишка разгладил фото генерала на столе.

– Можешь ему от моего имени передать, что он дурак... Давай обедать.

– Дед, а это что? – Потапыч с замиранием сердца показал на газыри на фотографии.

– Газыри.

Мирон Петрович подошел к большому черному буфету с резными дверцами. Верхняя часть нависала над нижней и опиралась на толстые витые маленькие ножки, похожие на колонны. В правой части буфета в одну из дверок было вставлено белое матовое стекло. Тонкую трещину в углу стекла дед заклеил белым лейкопластырем.

– Смешное название. А для чего они?

– Порох в них насыпали сначала. А позже для красоты и по традиции оставили.

– Порох?! – У Мишки округлились глаза.

– Что это с тобой? – Дед поставил тарелки на стол. – Будто оса ужалила. Неси поварешку и ложки.

Мальчишка оставался неподвижным и задумчивым.

– Да ты принесешь, неслух, или нет? – Дед легонько хлопнул его между лопаток ладонью. – Я есть хочу. И тащи, что

там батька привез. Он уж меня, старика, всегда чем-нибудь вкусненьким балует, дай Бог ему здоровья! Хороший он парень вырос! И меня не забывает, и Верка около него с семьей кормится, и весь хутор работой обеспечил. Не в городе торчит, а в родной станице. И начальство его очень уважает.

Дед перекрестился на старые иконы в углу, то ли помолившись за Мишкиного отца, то ли предварив начало трапезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.